

Полумесяц на перепутье: Предметный анализ трёхсторонних связей Турции, Азербайджана и Грузии

Майкл Хикари Сесайр

*Центр евразийских, российских и восточноевропейских исследований
Джорджтаунского университета, <https://ceres.georgetown.edu/>*

Аннотация: В статье содержится оценка трёхсторонних отношений Турции, Азербайджана и Грузии и анализируется содержание их сотрудничества. Используя эвристический анализ, автор рассматривает роль трёхсторонних отношений во внешней политике каждой из трёх стран и их организационную «насыщенность», как механизм обеспечения безопасности, для оценки сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии. На основе анализа в статье сделан вывод о том, что трёхстороннее сотрудничество между Турцией, Азербайджаном и Грузией можно считать содержательным и согласованным. Однако общая фундаментальная причина такой согласованности не сразу ясна. Хотя решение вопроса о согласованности трёх стран выходит за рамки данного исследования, в выводе говорится, что сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии может быть следствием взаимодополняющих стратегических приоритетов и всё большей схожести режимов.

Ключевые слова: Турция, Грузия, Азербайджан, Чёрное море, демократия, автократия, обеспечение безопасности.

Вступление

Государства, выходящие или прилегающие к побережью Чёрного моря (далее – Черноморский регион),¹ в литературе по международным отношениям и политическом анализе обычно рассматривают в свете их отношений

¹ Здесь мы не ограничиваем Черноморский регион сугубо государствами черноморского побережья («побережье»), но включаем в него и близлежащие госу-

с другими державами или системами альянсов, а не как отдельное региональное образование.² Эта аналитическая установка не лишена смысла, учитывая, что государства, входящие в «большой» Черноморский регион, действительно функционально разделены на разные, иногда – конкурирующие системы альянсов и транснациональные союзы, из которых наиболее известны Европейский Союз (ЕС), Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).³ Перекрывающиеся сферы влияния этих организаций по крайней мере отчасти поясняются географическим положением Черного моря как границы между социально-географическими «Востоком» и «Западом», а также между Европой, Евразией, Ближним Востоком и Азией. Поэтому системы альянсов, как правило, раскалывались по этим неровным географическим линиям, и меньше внимания уделялось структурным объединениям в самом Черноморском регионе.

Динамика, препятствующая фокусировке на «внутренних» черноморских региональных объединениях, мешает и внутрирегиональному сотрудничеству. Черноморский регион, который на международном уровне воспринимается как своего рода переходная зона, трудно функционально дифференцировать, когда его государства и политические структуры сосуществуют в рамках разных конкурирующих политических и даже «цивилизационных» систем. Маноли подробно рассматривает этот вопрос, отмечая, что почти 20 лет регионализма в Чёрном море привели к появлению множества межгосударственных соглашений и квазиинституциональных платформ, которые иногда впечатляют масштабом и амбициозностью, но гораздо меньше – реальными межгосударственными связями.⁴ Владова и Книлинг пришли к схожим выводам: несмотря на обилие общих проблем, которые

дарства («ближайшие внутренние районы»), имеющие постоянные связи с Черноморским регионом или зависящие от него, например, прибрежные Азербайджан, Армению и Молдову.

² См., например, Sergii Glebov, "Black Sea Security as a Regional Concern for the Black Sea States and the Global Powers," *Southeast European and Black Sea Studies* 9, no. 3 (2009): 351-365, <https://doi.org/10.1080/14683850902934341>; F. Stephen Larrabee, "The United States and Security in the Black Sea Region," *Southeast European and Black Sea Studies* 9, no. 3 (2009): 301-315, <http://doi.org/10.1080/14683850902934309>; Fabrizio Tassinari, "A Synergy for Black Sea Regional Cooperation: Guidelines for an EU Initiative," CEPS Policy Brief No. 105, Centre for European Policy Studies, June 2006, www.ceps.eu/ceps-publications/synergy-black-sea-regional-cooperation-guide-lines-eu-initiative/.

³ Хотя Россия является лидером ОДКБ и ЕАЭС и безусловно причерноморской державой, ни одна из этих организаций не фокусируется на Черноморском регионе. Более того, внешняя политика России, как мировой державы с широкими географическими амбициями, не сосредоточена исключительно или в первую очередь на Черноморском регионе. Это отличает её от таких региональных держав, как Турция, для которой Чёрное море представляет непосредственный интерес.

⁴ Panagiota Manoli, *The Dynamics of Black Sea Subregionalism* (London: Routledge, 2012, eBook Published 2016), <https://doi.org/10.4324/9781315615738>.

могли бы связать причерноморские государства, в восприятии и характеристике региона, как внешне, так и внутренне, как правило, доминирует переходная структура.⁵

Обилие организаций, не оправдавших первоначальных ожиданий, делает относительный успех в регионе ещё более заметным. В этой связи субрегиональные трёхсторонние отношения Турции, Азербайджана и Грузии заслуживают особого внимания. Официально возникшее в 2012 году трёхстороннее сотрудничество не только сохранилось, но и значительно расширилось как по охвату, так и по содержанию. Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии способствует согласованию политики трёх стран благодаря платформе, созданной в результате принятия Трабзонской декларации 2012 года.

Хотя трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии в определённой степени освещается в региональной литературе, большинство исследований рассматривают это явление без оценки его содержательной стороны. Например, Велиев выделяет трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии как одну из основ внешней политики Азербайджана.⁶ Гурбанов говорит об аспекте военной безопасности в трёхстороннем формате.⁷ Кёстем называет трёхсторонний формат Турция-Азербайджан-Грузия важным элементом внешней политики Турции,⁸ а Сесаир рассматривает трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии, как результат двусторонних азербайджано-турецких отношений.⁹

Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии рассматривается в литературе как реальное, содержательное явление по ряду причин. Во-первых, его считают содержательным профильные учёные. Во-вторых, что более важно, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии считается содержательным, потому что руководители этих государств, по-видимому, считают его таковым; организационный трёхсторонний формат включает регулярные встречи глав государств, правительств

⁵ Galya Vladova, Jörg Knieling, "Potential and Challenges for the Black Sea Regional Cooperation," *Eastern Journal of European Studies* 5, no. 1 (2014): 39-66, https://ejas.uaic.ro/articles/EJES2014_0501_VLA.pdf.

⁶ Javid Valiyev, "Foreign Policy of Azerbaijan in 25 Years of Independence: Priorities, Principles and Achievements," *Caucasus International* 7, no. 1 (Summer 2017): 29-46.

⁷ İlgar Gurbanov, "Azerbaijan's Trilateral and Bilateral Military Cooperation with Turkey and Georgia: Important for Azerbaijan's Security Calculations," in *Panorama of Global Security Environment: The Central European Perspective – 2017-2018*, ed. Róbert Ondrejcsák et al. (Bratislava: Stratpol, 2018), 251-269, www.academia.edu/40151655/.

⁸ Seçkin Köstem, "Geopolitics, Identity and Beyond: Turkey's Renewed Interest in the Caucasus and Central Asia," в *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*, ed. Emre Erşen, Seçkin Köstem (London: Routledge, 2019), 111, <https://doi.org/10.4324/9780429023064>.

⁹ Michael H. Cecire, "The Bilateral Origins of South Caucasus Trilateralism," in *Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation—Two States?* ed. Murad Ismayilov, Norman A. Graham (Routledge, 2016), 84-99, <https://doi.org/10.4324/9781315625119-4>.

и других высокопоставленных должностных лиц. В этом смысле их трёхстороннее сотрудничество проходит «визуальную проверку» заметных внешнеполитических явлений: оно важно, потому что так к нему относятся руководители стран-участниц (по крайней мере, так выглядит внешне).

Наша статья призвана заполнить этот пробел в литературе путём оценки содержания трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии на основе эвристического анализа, т.е. упрощённого практического подхода к анализу, фокусируясь на основных аспектах, исходя из пересмотренной адаптации существующих принципов анализа организационной насыщенности, как предлагают Амин и Трифт.¹⁰ Согласно теории Амина и Трифта, организационная насыщенность определяется наличием и взаимосвязью в регионе институтов, способствующих его развитию. Она отражает плотность, взаимодействие и общие нормы разных организаций, включая компании, государственные и образовательные учреждения и т.д., в регионе. Эта концепция выделяет четыре ключевых элемента: (1) *Наличие многочисленных институтов*: организационное разнообразие; (2) *Высокий уровень взаимодействия*: сотрудничество и связи между этими институтами; (3) *Общие нормы и ценности*: институты действуют с общим пониманием и целями; и (4) *Общая цель*: общее видение регионального развития. Вместе эти факторы создают благоприятную среду для инноваций, сотрудничества и устойчивости.

Содержательность оценивается путём рассмотрения истории и особенностей трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии, его роли во внешней политике данных государств и применения аналитической модели, которая оценивает «плотность» трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии в пяти функциональных аспектах: (1) институционализация; (2) широта; (3) воспринимаемая важность; (4) устойчивость; и (5) глубина.

Для эмпирической полноты оценки для анализа были взяты данные, собранные в период между Трабзонской декларацией 2012 года и 2020 годом. В ней сделан вывод о том, что сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии действительно «весьма содержательно». В конце статьи содержатся мысли о трёхстороннем сотрудничестве Турции, Азербайджана и Грузии, о проявлениях содержания их сотрудничества и о потенциале дальнейшего изучения этого феномена.

Данная статья направлена на исследование содержания трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии, но не анализирует и не рассматривает его долгосрочную эффективность или будущее развитие. Например, хотя внешняя политика трёх стран претерпела явные изменения с 2020 года, особенно с начала полномасштабного вторжения России в

¹⁰ Ash Amin, Nigel Thrift, eds., *Globalization, Institutions, and Regional Development in Europe* (Oxford University Press, 1995; online edn., Oxford Academic, October 2023), <https://doi.org/10.1093/oso/9780198289166.001.0001>.

Украину в 2022 году, данная статья не рассматривает эти изменения.¹¹ Она также не рассматривает вопрос дальнейшего развития трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии, несмотря на относительно небольшое количество успешных собственных многосторонних инициатив и разную внешнюю политику трёх стран.

История трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии

В июне 2012 года министры иностранных дел Турции, Азербайджана и Грузии собрались в турецком причерноморском городе Трабзон и официально положили начало общей трёхсторонней платформе взаимного сотрудничества и развития. В так называемой Трабзонской декларации подчёркивались общие экономические, внешнеполитические интересы трёх государств, а также их намерение сотрудничать в интересах региональной стабильности и устранения барьеров. В частности, в Трабзонской декларации упоминался ряд совместных инициатив, предшествовавших встрече 2012 года, в результате чего она как бы оформила уже существующие отношения и создала платформу для их естественного продолжения. Хотя Декларация в основном была сосредоточена на экономических связях и политическом сотрудничестве, важным приоритетом платформы была безопасность, а последующие действия и акценты превратили трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии в своего рода механизм безопасности.

Предшествующий этап трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии – «неформальный» период – в первую очередь, но не только, включал развитие общей энергетической инфраструктуры трёх государств. Завершение строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) и параллельного газопровода Баку-Тбилиси-Эрзурум (Южно-Кавказского трубопровода), введенных в эксплуатацию в 2006 году, стало примером реального сотрудничества и координации трёх стран. Это были не только стратегические инфраструктурные проекты, но и выход на международные энергорынки. Энергетика была главной, но не единственной сферой трёхстороннего сотрудничества. В дополнение к проектам энергетического коридора, в 2007 году три страны начали совместно строить железную дорогу Баку-Тбилиси-Карс (БТК) для совместных грузопассажирских перевозок, как альтернативного маршрута, соединяющего Европу с внутренними регионами Евразии и далее с Азией.

Хотя проект БТК предшествовал появлению известной китайской инициативы «Один пояс, один путь», вероятно, на него больше повлияли другие факторы, такие, как Северная система коммуникаций для снабжения войск

¹¹ Тем не менее можно утверждать, что после 2020 года эти три страны стали больше дополнять друг друга, учитывая развитие связей каждой из них с Москвой и общие типы авторитарных режимов. Однако более подробные анализ этих изменений выходит за рамки данной статьи.

в Афганистане под управлением США и ожидаемая экономическая либерализация некоторых стран Центральной Азии. Однако на момент ввода в эксплуатацию БТК в 2017 году он анонсировался как завершающий сегмент маршрута «Одного пояса, одного пути».

Турция, Азербайджан и Грузия регулярно сотрудничали по вопросам безопасности задолго до появления трабзонского формата. В 2002 году три государства подписали трёхсторонний пакт о сотрудничестве в области безопасности, как дополнение к предложенной США в том же году программе «Train and Equip» для Грузии.¹² Кроме того, после русско-грузинской войны 2008 года Турция стремилась стать региональным посредником с помощью предложенной ею Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе, которая включала бы Грузию и Азербайджан, а также Россию и Армению.¹³ Хотя это начинание не было сугубо трёхсторонним, вероятно планировалось использовать тесные связи Турции с Грузией и Азербайджаном, с одной стороны, и её теплые отношения с Россией, с другой, для посредничества, стабильности и, возможно, регионального лидерства.¹⁴

Наряду с этими многочисленными трёхсторонними усилиями, между тремя странами было ещё больше двусторонних совместных инициатив. Формально они не были связаны между собой, но многие из этих соглашений имели определённую взаимосвязь благодаря тесным отношениям между Турцией и Азербайджаном.¹⁵ Например, благодаря сотрудничеству в сфере безопасности между Турцией и Грузией грузинские военные регулярно контактировали со своими азербайджанскими коллегами, у которых давно были соглашения о военном сотрудничестве с Турцией.

Примечательно, что перед запуском трёхстороннего формата в Трабзоне в 2012 году ряд важных совместных инициатив предшествовал его организационному оформлению, а не наоборот. С этой точки зрения, формальное создание Трабзонского формата трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии могло выглядеть излишним, поскольку три страны уже продемонстрировали способность к тесному взаимодействию в рамках сложных совместных инициатив.

¹² Mustafa Aydin, "Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus," *Turkish Studies* 5, no. 2 (2004): 1-22, <https://doi.org/10.1080/1468384042000228576>.

¹³ Ali Babacan, "Calming the Caucasus," *The New York Times*, September 23, 2008, <https://www.nytimes.com/2008/09/23/opinion/23iht-edbabacan.1.16407371.html>.

¹⁴ Хотя в то время у Турции не было (и до сих пор нет) официальных дипломатических отношений с Арменией, концепция Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе совпала с периодом потепления отношений между Анкарой и Ереваном на фоне обоюдного стремления к нормализации. Как и сама концепция Платформы, эти усилия не увенчались успехом.

¹⁵ См. Bayram Balci, "Strengths and Constraints of Turkish Policy in the South Caucasus," *Commentary, Insight Turkey* 16, no. 2 (2014): 43-52, 43, www.insightturkey.com/author/bayram-balci/the-ak-party-dominant-party-new-turkey-and-polarization-1; Cecire, "The Bilateral Origins of South Caucasus Trilateralism."

Трабзонская декларация организационно оформила трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии, но лишь на третьей встрече в Трабзонском формате платформа оформилась структурно,¹⁶ со встречами министров и рабочих групп. На встрече 2014 года к трёхстороннему формату присоединились лидеры трёх стран, что повлекло постепенное подключение к формату правительственных ведомств, свидетельствуя как о высоком уровне координации, так и о растущих амбициях. С тех пор трёхсторонний формат продолжал расширяться, включив президентов, премьер-министров, министров иностранных дел, обороны, экономики и начальников штабов трёх государств. Также были созданы рабочие группы для развития и работы в таких областях, как экономическое сотрудничество, энергетика, защита инфраструктуры, оборона и военная промышленность. Кроме того, парламенты трёх государств часто проводили регулярные консультации, в том числе в рамках трёхсторонней парламентской группы для координации трёхстороннего сотрудничества путём принятия законодательных актов во всех трёх странах.

Особенности трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии

Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии выделяется не только относительной устойчивостью и организацией, но и строгой структурой. В отличие от других общерегиональных инициатив, оно не имеет постоянного секретариата или административного аппарата, а также публичного, регулярного графика встреч и консультаций.¹⁷ Оно основано на трёхсторонних консультациях на высшем уровне между соответствующими государственными органами, которые распределяют технические вопросы между трёхсторонними рабочими группами, действующими на уровне заместителей министров в период между консультациями на высшем уровне.

Например, в недавнем меморандуме о взаимопонимании трёх стран об оборонном сотрудничестве определены многочисленные направления взаимодействия, а соответствующим министерствам поручено создать совместную рабочую группу для разработки ежегодных планов работы по достижению этих целей.¹⁸ Эти рабочие группы решают технические задачи по

¹⁶ Zaur Shiriyev, "Institutionalizing a Trilateral Strategic Partnership: Azerbaijan, Georgia, Turkey," Policy Paper (Tbilisi, Georgia: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2016), www.kas.de/wf/doc/kas_43884-1522-1-30.pdf.

¹⁷ Цикл консультаций между высокопоставленными должностными лицами и определение ежегодных планов и повесток дня рабочих групп и других трёхсторонних организаций позволяют предположить наличие своего рода внутреннего календаря, однако он, очевидно, не доступен общественности.

¹⁸ Abdullah Bozkurt, "Turkey, Georgia and Azerbaijan to Boost Cooperation in Military, Defense," *Nordic Monitor*, June 17, 2019, <https://www.nordicmonitor.com/2019/06/turkey-georgia-and-azerbaijan-to-boost-cooperation-in-military-defense/>.

обеспечению взаимных консультаций, включая встречи на уровне министров, а также в других форматах.

В Меморандуме о взаимопонимании подробно описаны и другие аспекты трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии. Во-первых, закреплено сотрудничество между тремя сторонами в течение пяти лет с автоматическим ежегодным продлением. Примечательно, что деятельность совместной рабочей группы засекречена и не может быть передана какой-либо третьей стороне. Хотя практика засекречивания деятельности рабочих групп сама по себе не нова, для межгосударственной трёхсторонней группы это более значимо.

Несмотря на закрытый характер рабочих групп, некоторые шаги и мероприятия, вероятно, являются продолжением официального трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии. В сфере экономики к ним относятся ввод в эксплуатацию железной дороги БТК и её дальнейшее развитие для увеличения грузопассажирских перевозок; постоянная координация по существующим трубопроводам и их сопряжению с Трансанатолийским трубопроводом (TANAP); и поощрение трансграничной торговли, туризма и инвестиций. В сфере безопасности три страны активно сотрудничают в области военного образования, медицины и военной промышленности, а также с 2015 года регулярно проводят совместные учения сил спецназначения и компьютерные тренировки, уделяя особое внимание защите инфраструктуры, в частности, безопасности трубопроводов.¹⁹

В более широком смысле, продолжающееся расширение трабзонского формата на другие государственные органы, наряду с регулярными консультациями на высшем уровне, подразумевает существование дополнительных мероприятий, информация о которых обычно не публикуется. Согласно Меморандуму о взаимопонимании 2019 года – редкий случай появления информации о внутренней деятельности трёхстороннего объединения, – трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии охватывало много аспектов. Одна лишь сфера обороны, тоже охваченная Меморандумом, включала широкий перечень структур и была засекречена всеми сторонами, как это обычно бывает у близких союзников.²⁰

¹⁹ Shiriyevev, "Institutionalizing a Trilateral Strategic Partnership."

²⁰ Например, в странах Запада затруднён обмен информацией даже с близкими союзниками. В англоязычных государствах, входящих в сообщество «Five Eyes», этот процесс упрощается договором, схожие (хотя и менее масштабные) договорённости заключаются в рамках НАТО или на двусторонней основе. Если договоров нет, например, в случае Национальной промышленно-технологической базы – так в США обозначают ключевых партнёров в сфере военной промышленности, включая Канаду, а в последнее время – Великобританию и Австралию, – материалы обычно не засекречивают. О взгляде Великобритании на международное сотрудничество в области разведки, включая «разведывательную дипломатию», см. Sir Stephen Lander, "International Intelligence Cooperation: An inside Perspective," *Cambridge Review of International Affairs* 17, no. 3 (2004): 481-493, <https://doi.org/10.1080/0955757042000296964>.

На практике трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии проявляется в планировании и реализации различных трёхсторонних проектов в этом формате, включая военное сотрудничество и учения, планирование действий в чрезвычайных ситуациях, экономическую интеграцию, развитие и защиту инфраструктуры и другие подобные инициативы. Трёхстороннее сотрудничество в рамках Трабзонского механизма было начато для «сглаживания» проблем и более эффективного взаимодействия трёх стран, но с тех пор оно значительно расширилось и приобрело самостоятельный характер.²¹

Взаимное дополнение режимов, не являющееся предметом данной статьи, заслуживает дальнейшего изучения. Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии касается прежде всего внешней политики и трансграничного сотрудничества, но стоит отметить, что в трёх странах уже давно существуют схожие режимы. В частности, заметно усиление авторитарного правления в Турции и особенно в Азербайджане, а сохраняющиеся трудности развития демократии в Грузии, по всей видимости, являются одним из способствующих факторов.

Таким образом, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии можно считать наглядным примером того, как обеспечение безопасности может происходить и даже усиливаться в «малосторонних» форматах с участием автократических государств (или государств с автократическими тенденциями, как в Грузии). Относительная демократия в Грузии может показаться некоторым наблюдателям непоследовательной. Тем не менее можно утверждать, что она проявляет тенденции как к автократии, так и к демократии, а на момент появления Трабзонского формата в 2012 году была явно автократической. В последующие годы произошли некоторые коррективы, но со временем в Грузии снова стали проявляться авторитарные черты, и её авторитаризм можно сравнить с авторитаризмом Турции.

Кроме того, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии дало практический эффект, создав «местный» механизм обеспечения безопасности отдельно от западных структур безопасности и сотрудничества в этой сфере. Хотя евроатлантические связи могли первоначально мотивировать его возникновение и развитие, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии не зависит от Запада и может легко адаптироваться к третьим странам или альтернативным альянсам. События после 2022 года, похоже, демонстрируют эту реальность, поскольку эти три страны вместе всё больше отдаляются от альянса, возглавляемого США.

Трёхстороннее сотрудничество во внешней политике

При оценке содержания трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии важным аспектом является трёхстороннее сотрудничество во внешней политике стран-участниц. При этом важно проанализировать

²¹ Cecire, "The Bilateral Origins of South Caucasus Trilateralism."

общее соответствие трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии заявленной и публично декларируемой политике этих стран. Хотя эта оценка учитывает недавние события, внешняя политика трёх государств рассматривается на основе долгосрочных черт и принципов, а не недавних колебаний.

Внешняя политика находится в центре внимания, поскольку это главная сфера трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии. Однако роль внутривластной динамики в этом процессе не игнорируется и не недооценивается. В некоторой степени эта динамика отражена в следующем анализе, где постулируется, что долгосрочная внешняя политика государства, как правило, отражает консенсус элиты и режима.

Турция

Как и в Азербайджане и Грузии, внешнюю политику Турции нельзя свести к одному главному фактору, что усугубляется положением Турции как гораздо более крупной державы, активной на региональном (и глобальном) уровне. Но несмотря на многочисленные изменения во внешней политике Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 году, одной из её постоянных тем была концепция популистского национализма, связанного с исламом, региональными и даже глобальными амбициями. Йылмаз и Баширов назвали этот уникальный идеологический бренд «эрдоганизмом»,²² Сарачоглу и Демиркол – «исламистским национализмом»,²³ а Чинар – «мусульманским национализмом».²⁴ Терминология может различаться, но все эти обозначения предполагают, что турецкая национальность неразрывно связана с её исламским характером и служит позиционированию Турции как ведущей региональной и международной державы. Это не обязательно означает полное отрицание всех аспектов исторической ориентации Турции на Запад, а скорее превращение Турции из далёкого сателлита Запада в самостоятельный полюс силы в мире и даже самостоятельную цивилизационную систему.

Доктрина внешней политики ПСР – «Стратегическая глубина» Ахмета Давутоглу (2001) и её рабочий аналог, «Ноль проблем»,²⁵ отражает нацелен-

²² Ihsan Yilmaz, Galib Bashirov, "The AKP after 15 Years: Emergence of Erdoganism in Turkey," *Third World Quarterly* 39, no. 9 (2018): 1812-1830, <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447371>.

²³ Cenk Saraçoğlu, Özhan Demirkol, "Nationalism and Foreign Policy Discourse in Turkey Under the AKP Rule: Geography, History and National Identity," *British Journal of Middle Eastern Studies* 42, no. 3 (2014): 301-319, <https://doi.org/10.1080/13530194.2014.947152>.

²⁴ Menderes Çinar, "Turkey's 'Western' or 'Muslim' Identity and the AKP's Civilizational Discourse," *Turkish Studies* 19, no. 2 (2018): 176-197, <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1411199>.

²⁵ Для лучшего понимания стратегической глубины Муринсон выпустил аналитический отчет о стратегической глубине во внешней политике Турции на английском языке: Alexander Murinson, "The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign

ность на усиление влияния Турции в мире и регионе. Турецкое дипломатическое наступление 2000-х годов, а также вмешательство на Ближнем Востоке, Балканах, Кавказе и в Центральной Азии иллюстрируют этот подход. Хотя отдельные политические решения порой приводили к непредвиденным последствиям или резким поворотам, общая направленность ясна. Эта повестка нелегко уживается с давними евроатлантическими связями Турции, в частности, с НАТО, на которые она опирается для стабилизации безопасности в условиях региональной напряженности. Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии воплощает прочный, но относительно незаметный аспект этого внешнеполитического приоритета, поддерживая влияние Турции в соседних странах и за их пределами. Однако если турецкое правительство попытается использовать трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии для резкого и быстрого пересмотра своих региональных позиций, это может подорвать ту самую стабильность, которую эта трёхсторонняя платформа успешно поддерживала.

Азербайджан

Краеугольным камнем внешней политики Азербайджана является концепция «многовекторности», что намекает на сохраняющееся главенство западного либерального порядка (в частности, США) и гегемонию России в регионе. Хотя эта концепция на протяжении многих лет то усиливалась, то ослабевала, она остаётся официальным принципом внешней политики и политики безопасности Азербайджана со времён Гейдара Алиева, отца и предшественника нынешнего президента Ильхама Алиева.²⁶

Стрейкс показал, что внешняя политика Азербайджана поддерживает частые контакты и согласовывается с Россией, что уравнивается соглашениями о сотрудничестве в области безопасности со США. Однако в последние годы влияние России возросло. В то время как влияние России в регионе усиливается на фоне ослабления влияния Запада, всё больше внимания уделяют Китаю, как новому стратегическому партнёру.²⁷ В то же

Policy," *Middle Eastern Studies* 42, no. 6 (2006): 945-964, <https://doi.org/10.1080/00263200600923526>. Апас назвал внешнеполитическую программу Давутоглу «успешной», проведя нетипичный для того времени анализ. См. Bülent Aras, "The Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy," *Insight Turkey* 11, no. 3 (Summer 2009): 127-142, www.insightturkey.com/articles/the-davutoglu-era-in-turkish-foreign-policy. Однако после событий Арабской весны и начала гражданской войны в Сирии в середине 2010-х годов её восприятие существенно изменилось. Behlül Özkan, "Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism," *Survival* 56, no. 4 (2014): 119-140, <https://doi.org/10.1080/00396338.2014.941570>. Подробнее о внешней политике ПСР см. Aaron Stein, *Turkey's New Foreign Policy: Davutoglu, the AKP and the Pursuit of Regional Order* (London: Routledge, 2015).

²⁶ Jason E. Strakes, "Situating the 'Balanced Foreign Policy': The Role of System Structure in Azerbaijan's Multi-Vector Diplomacy," *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 15, no. 1 (2013): 37-67, <https://doi.org/10.1080/19448953.2013.766085>.

²⁷ Bai Lianlei, "Azerbaijan in the Silk Road Economic Belt: A Chinese Perspective," China Institute of International Studies (CIIS), August 2016; Feride Inan, Diana Yayloyan,

время внешняя политика Азербайджана неотделима от тесных отношений с Турцией, в силу их этнической и языковой близости²⁸ и продолжающегося конфликта с Арменией из-за Нагорного Карабаха, который обострился с 2020 года. Хотя Турция прямо не участвовала в конфликте, она решительно поддерживает Азербайджан дипломатически и военными средствами в силу договора о взаимной обороне.

Турецко-азербайджанские отношения, которые Айдын и Исмаилов называют основой трёхстороннего сотрудничества,²⁹ тоже подтверждают многовекторность политики Турции, Азербайджана и Грузии – баланс между альянсами, изоляцию Армении и развитие транс-евразийской торговли. Примечательно, что сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии сместилось с ориентации на Запад на взаимодействие с Евразией и Восточной Азией, особенно с Китаем. Этот анализ не учитывает событий, произошедших после 2020 года, включая вторую войну в Нагорном Карабахе и последующее возвращение Азербайджаном всех требуемых им территорий. Однако решительная ориентация Азербайджана на Россию с того момента, особенно с 2022 года, вполне вписывается в рамки внешней политики, намного менее ориентированной на Запад, обуславливая трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии, которое всё больше отдаляется от евроатлантических амбиций.

Грузия

Внешняя политика Грузии в целом решительно и показательно ориентирована на евроатлантический курс, последовательно декларируя членство в ЕС и НАТО как государственный приоритет. Грузия позиционирует себя в регионе близким партнёром Европы, США и евроатлантических структур, включая НАТО.³⁰

Несмотря на давние усилия Грузии, её немалый авторитет и официальную политику «открытых дверей» НАТО, распространено мнение, что она вряд ли присоединится к альянсу в ближайшей или среднесрочной перспективе, а то и вообще. Например, Кайл среди препятствий называет военную уязвимость Грузии и отсутствие единства в НАТО.³¹ В Германии тоже счи-

“New Economic Corridors in the South Caucasus and the Chinese One Belt One Road” (Economic Policy Research Foundation of Turkey, 2018), https://epfarmenia.am/wp-content/uploads/2018/04/New_Economic_Corridors_in_the_South_Caucasus_and_the_Chinese_One_Belt_One_Road_2018.pdf.

²⁸ Aydin, “Foucault’s Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus.”

²⁹ Aydin, “Foucault’s Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus;” Murad Ismayilov, “Azerbaijan’s Russia Conundrum: Towards the Rise of an Unlikely Alliance,” *Russian Politics* 4, no. 2 (2019): 242-267, <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00402005>.

³⁰ Michael Cecire, “Georgia’s 2012 Elections and Lessons for Democracy Promotion,” *Orbis* 57, no. 2 (Spring 2013): 232-250, <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2013.02.003>.

³¹ Joe Kyle, “Perspectives Roadblocks: Georgia’s Long Road to NATO Membership,” *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 27, no. 2 (Spring 2019): 237-247, <https://muse.jhu.edu/article/721877>.

тают, что амбиции Грузии и Украины сталкиваются с техническими и политическими препятствиями, а противоречия между политикой открытых дверей НАТО и нерешённым вопросом о членстве Грузии грозят дальнейшими разногласиями. Перспективы вступления Грузии в ЕС также туманны из-за проблем внутренней политики и развития.³²

Это шаткое положение оставляет внешнюю политику Грузии на распутье.³³ С одной стороны, Грузия вряд ли получит экономические и оборонные преимущества членства в НАТО или ЕС; с другой стороны, отказ от евроатлантических амбиций может ослабить её позиции в отношениях с Россией. Но тесное партнёрство с западными странами и институтами всё же дало Грузии некоторую самостоятельность, несмотря на асимметрию власти,³⁴ отражающую внутренние идеологические разногласия.³⁵

Грузия также стремится к прочным отношениям с Турцией, Китаем и Ираном, чтобы уравновесить влияние России. В этой связи трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии служит важным инструментом реализации евроатлантических устремлений Грузии и предоставляет платформу для взаимодействия с Турцией, как региональной державой, и с китайской инициативой «Один пояс, один путь». Помимо вопросов безопасности, сотрудничество с Турцией и Азербайджаном продвигает приоритеты Грузии, включая разрешение территориальных споров.³⁶ Хотя авторитарный и «евразийский» поворот Грузии после 2020 года согласуется с меняющейся структурой трёхстороннего сотрудничества, это сотрудничество не подчинено евроатлантическим связям и не противоречит им.

Насколько же оно содержательно?

Применяя и соответствующим образом адаптируя концепцию «институциональной плотности» Амина и Трифта (1995),³⁷ можно рассмотреть содер-

³² Martin Nilsson, Daniel Silander, "Democracy and Security in the EU's Eastern Neighborhood? Assessing the ENP in Georgia, Moldova, and Ukraine," *Democracy and Security* 12, no. 1 (2016): 44-61, <https://doi.org/10.1080/17419166.2015.11357441>.

³³ Michael Hikari Cecire, "Georgia's Alliance With – Not In – NATO: External Balancing, Autonomy and Community," в *Georgia's Foreign Policy in the 21st Century: Challenges for a Small State*, ed. Tracey German, Stephen F. Jones, Kornely Kakachia (London: I.B. Tauris, 2022): 179-194, <https://doi.org/10.5040/9780755645350.ch-9>.

³⁴ Michael H. Cecire, "Russian Hegemony Begets Georgian Discontents: Tbilisi's Search for Strategic Ballast," *Russian Analytical Digest (RAD)* No. 232, February 22, 2019, <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000328891>.

³⁵ Kevork Oskanian, "The Balance Strikes Back: Power, Perceptions, and Ideology in Georgian Foreign Policy, 1992–2014," *Foreign Policy Analysis* 12, no. 4 (2016): 628-652, <https://doi.org/10.1093/fpa/orw010>.

³⁶ Andrew C. Kuchins, Jeffrey Mankoff, Oliver Backes, *Georgia in a Reconnecting Eurasia: Foreign Economic and Security Interests* (Center for Strategic & International Studies and Rowman & Littlefield, 2016), https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160429_Kuchins_GeorgiaReconnectingEurasia_Web.pdf.

³⁷ Amin, Thrift, eds., *Globalization, Institutions, and Regional Development in Europe*.

жание трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии в нескольких аспектах, чтобы оценить контекст и плотность этой геополитической инициативы. С этой целью мы предлагаем пять основных аспектов эвристического анализа:

- (1) *институционализация* – степень воплощения трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии в национальной политике каждой из трёх стран-участниц;
- (2) *широта* – степень проявления трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии в различных правительственных (и неправительственных) секторах трёх стран-участниц;
- (3) *важность* – приоритетность трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии для правительств трёх стран-участниц;
- (4) *устойчивость* – институциональная стойкость трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии с течением времени;
- (5) *глубина* – степень проникновения трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии ниже задач национального уровня, на рабочие уровни деятельности правительства, и за пределы правительства, на уровень местных сообществ и граждан.

В следующих разделах мы рассмотрим каждый из пяти аспектов концептуальной модели содержания. Далее следует раздел, посвящённый целостному анализу концептуальной модели. Каждый аспект оценивается с точки зрения применимости (бинарная оценка) и классифицируется по шкале, представляющей его степень – низкую, среднюю или высокую – которая может быть выражена количественно (1, 2, 3) в целях оценки.

Институционализация

Институционализация, в контексте оценки содержания трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии, определяется степенью интеграции трёхстороннего сотрудничества в национальную политику каждой из трёх стран-участниц. В частности, этот аспект показывает, как сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии согласуется или противоречит более широкой национальной государственной политике (внешней и внутренней) и дискурсивной практике. В целом можно сказать, что трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии видится высоко институционализированным в каждой из трёх стран-участниц, хоть и в разных аспектах.

Институционализация проявляется, в частности, в том, как трёхстороннее сотрудничество гармонизировано с внешней политикой трёх стран (как указано выше), благодаря чему оно согласуется с более широкими стратегическими и региональными целями, несмотря на изменение внутренней и региональной ситуации после принятия Трабзонской декларации в 2012 году. Говоря точнее, трёхстороннее сотрудничество, очевидно, согласуется с другими аспектами трансграничных отношений трёх стран, такими, как общая энергетическая инфраструктура, транзитные и транспортные связи,

включая железную дорогу БТК, и относительно свободное перемещение товаров, капитала и людей между ними.

Однако трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии не имеет общей объединяющей оргструктуры. В отличие от других номинальных региональных объединений, у него нет собственной договорно-правовой базы или организационного аппарата, обладающего полномочиями или влиянием на внутренние государственные органы стран-участниц. Вместо формальных структур, его направляют регулярные конференции глав государств, глав правительств и министров трёх стран. Как отмечалось выше, эта структура делегирует реализацию заместителям министров и рабочим уровням соответствующих государственных ведомств, что влечёт появление множества совместных политических инициатив, общих проектов и других форм сотрудничества. Общая трёхсторонняя инфраструктура, пожалуй, является наиболее ярким и наглядным примером, но другие важные элементы включают регулярные совместные военные учения (разных видов), сотрудничество в военной промышленности, а также экономическое и торговое взаимодействие, например, в рамках трёхсторонних бизнес-форумов.

Об институционализации трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии также говорит Меморандум о взаимопонимании, имеющийся в открытом доступе.³⁸ Меморандум, принятый на трёхсторонней встрече министров обороны Азербайджана, Грузии и Турции, определяет объём секторального сотрудничества (статья 4) и разные формы сотрудничества (статья 5); последнее касается элементов организации трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии. Вот эти формы сотрудничества: (1) встречи министров «и других военных и гражданских руководителей»; (2) рабочие визиты и встречи; (3) совместные обсуждения и консультации; (4) совместные семинары, тренинги и конференции; (5) «создание механизмов прямых контактов между подразделениями, штабами и другими учреждениями, организующими национальную оборону»; (6) обмены между национальными оборонными университетами, военными колледжами, институтами и учебными центрами; (7) обмен группами инструкторов; (8) военные учебные курсы; (9) совместные учения; и (10) культурные и спортивные мероприятия. Кроме того, в статье 7 говорится о соответствующей рабочей группе и ежегодных планах сотрудничества, а статья 8, среди прочего, закладывает основу для обмена секретной информацией. Учитывая вышеизложенное и предполагая, что такие планы сотрудничества фактически реализуются, можно сказать, что трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии весьма институционализировано.

Широта

В контексте оценки содержания трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии широта означает степень проявления этого сотруд-

³⁸ Bozkurt, “Turkey, Georgia and Azerbaijan to Boost Cooperation in Military, Defense.”

ничества в различных государственных (и негосударственных) секторах трёх стран-участниц. Широта может считаться мерой содержательности, поскольку она предполагает наличие многочисленных взаимодополняющих сетей секторального сотрудничества трёх стран. Хотя широта сама по себе не может свидетельствовать о содержательности, её отсутствие также не является свидетельством отсутствия содержательности, поскольку сотрудничество в одном секторе может быть весьма содержательным. Однако широта инициативы является одним из показателей охвата им всех сфер государственного управления и за его пределами. Таким образом, широта трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии даёт представление о степени его актуальности в политике.

Учитывая характер развития трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии – как регулярных конференций и платформы координации на высшем уровне власти, – широта усилий очевидна. Платформа трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии, созданная Трабзонской декларацией 2012 года, началась как инициатива министров иностранных дел, но затем она расширилась и теперь включает премьер-министров (глав правительств), президентов (глав государств), министров иностранных дел, обороны, экономики и начальников штабов трёх стран. На нижнем исполнительном уровне были созданы рабочие группы по секторам, включая, в частности, энергетику, бизнес и экономику, оборону и военную промышленность, кибербезопасность и экологию. В более широком смысле трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии выходит за рамки полномочий правительств и охватывает торговлю и бизнес, образовательные обмены, транзит и транспорт, а также неправительственные организации. Это, в частности, включает перевозку коммерческих грузов по железной дороге БТК, образовательные обмены между высшими учебными заведениями трёх стран и более широкое деловое сотрудничество. Во многих отношениях трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии можно назвать масштабным и охватывающим три страны-участницы.

Важность

Важность означает приоритетность трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии для правительств трёх стран-участниц. В данном случае важность можно оценить по двум показателям: во-первых, по его значимости для соответствующих правительств; и, во-вторых, по сохранению этой значимости с изменением политической ситуации. Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии выглядит прочным в обоих отношениях, поскольку их сотрудничество остаётся в центре внимания правительств этих стран с момента его официального провозглашения в 2012 году.

Что касается второго показателя, то уровень взаимодействия стран-участниц продолжал оставаться высоким даже на фоне меняющихся поли-

тических обстоятельств. Хотя только Грузия пережила значительные политические перемены в этот период (парламентские выборы в конце 2012 года³⁹ и президентские выборы в 2013 году), во всех трёх странах за прошедшие годы произошли заметные внутривнутриполитические изменения, сказавшиеся на внутренней и внешней политике. Тем не менее трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии никогда серьёзно не пересматривали, не говоря уже о сокращении или прекращении, ни в одной из стран-участниц. Напротив, трёхстороннее сотрудничество явно продолжало развиваться, даже вопреки другим соображениям. Однако изучение глубинной сути трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии и его дальнейшего роста на фоне, казалось бы, расходящихся интересов выходит за рамки этой статьи.

Учитывая вышеизложенное, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии представляется весьма важным для всех трёх стран-участниц, что отражает его приоритет для их правительств. Однако здесь нужно сделать оговорку, поскольку даже «высокая» важность не делает его предметом первостепенного или неотложного внимания; другие политические задачи и вопросы, безусловно, заслуживают большего повседневного внимания стран-участниц. Тем не менее это можно рассматривать как один из аспектов важности трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии, поскольку оно не вызывает регулярных споров, функционирует в рабочем порядке на разных уровнях власти в странах-участницах и может рассматриваться как один из столпов политики на фоне других меняющихся проблем и неотложных задач.

Устойчивость

Устойчивость означает институциональную стойкость трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии с течением времени. Поскольку трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии существует как официальная платформа с принятия Трабзонской декларации 2012 года, а неофициально – даже дольше, можно сказать, что на сегодняшний день оно является весьма устойчивой платформой.

Однако эта оценка не безусловна. Хотя трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии не только сохранилось, но и расширило свою роль и масштаб с 2012 года, оно не подвергалось серьёзному прямому давлению. Судя по всему, изменения политических и стратегических условий в регионе не оказали существенного влияния на трёхстороннее сотрудничество. Несколько значимых событий могли бы поставить его под сомнение, но этого, как мы видим, не произошло: это переход власти от «Единого национального движения» Грузии к оппозиционной партии «Грузинская мечта» в 2012-2013 годах; попытка государственного переворота в Турции в

³⁹ Подробнее о парламентских выборах в Грузии в 2012 г. см. Cecire, “Georgia’s 2012 Elections and Lessons for Democracy Promotion.”

2016 году и последующее восстановление турецко-российского сотрудничества; и антизападный поворот в политике Азербайджана (и сближение с Россией) в 2014 году.

Несмотря на эти и другие важные политические и стратегические события в каждой из трёх стран, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии оставалось прочным и даже усилилось во многих областях. Но хотя трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии сохраняется на фоне таких перемен, можно задать вопрос о его относительной долговечности – долговечность в сравнении с чем? В сравнении с другими региональными объединениями трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии действительно может выглядеть долговечным, но оно не настолько долговечно, как другие межгосударственные объединения.

В этом смысле, если трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии можно назвать весьма устойчивым, это условное определение: оно может быстро прекратиться, если того потребуют события или обстоятельства. Однако тот факт, что оно не только сохранилось, но и продемонстрировало признаки дальнейшего развития, говорит о его долгосрочной полезности – как материальной, так и идеологической – для каждой из трёх стран. Одним из примеров этого служит трансформация трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии из различной, но общей ориентации трёх государств на Запад в более «местную» группировку, всё более далёкую от евроатлантических связей и даже противопоставляемую им. Этот последний фактор может быть особенно важен после 2020 года.

Глубина

Глубина означает степень проникновения трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии ниже задач национального уровня, на рабочие уровни работы правительств, и за пределы правительства, на уровень местных сообществ и граждан. Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии, по-видимому, характеризуется умеренной глубиной взаимодействия стран-участниц, что обусловлено функциональностью платформы трёхстороннего сотрудничества (Трабзонской платформы) с её последующими доработками. Это позволяет ставить задачи на уровне исполнительной власти, передавая функции реализации и практических дел рабочим группам и профильным министерствам.

Не совсем ясно, однако, в какой степени страны-участницы на национальном уровне реализуют трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии в своих правительствах и за их пределами. Это особенно заметно на уровне местных сообществ и граждан, где восприятие других стран-участниц и их народов различается и не отражает целостной, единой

надгрупповой идентичности или внутригрупповой принадлежности.⁴⁰ Хотя между тремя странами существуют культурные и социальные обмены, такие, как турецкие сериалы, грузинское вино и азербайджанские углеводороды, они, как правило, фрагментированы и оторваны от более широких нарративов трёхстороннего сотрудничества.

Оценка содержательности

Подводя итог, можно сказать, что эвристический анализ пяти аспектов в целом указывает на содержательность трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии. Результаты оценки содержательности представлены в таблице ниже.

Установлено, что в трёхстороннем сотрудничестве стран-участниц присутствуют все аспекты – институционализация, широта, важность, устойчивость и глубина. Поскольку это базовое пороговое значение достигнуто, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии можно охарактеризовать как содержательное и потенциально значимое. Эвристическая оценка содержательности служит основой для анализа и дальнейшего изучения трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии.

Таблица 1. Общая оценка содержательности.

Аспект содержательности	Бинарная оценка	Цифровая оценка
Институционализация	+	Высокая (3)
Широта	+	Высокая (3)
Важность	+	Высокая (3)
Устойчивость	+	Высокая (2,5) ⁴¹
Глубина	+	Умеренная (2)

Общие соображения

Трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии действительно содержательно и взаимодополняюще. Представленная на обсужде-

⁴⁰ Это утверждение основано на опросах «Кавказский барометр» Кавказского центра исследовательских ресурсов среди населения трёх стран Южного Кавказа (Грузии, Азербайджана и Армении), включая вопросы об отношении к другим этническим группам. Аналогичного опроса для Турции найти не удалось, однако неофициальные разговоры с экспертами по внутренней политике Турции дают схожую сложную картину общественного мнения.

⁴¹ Промежуточный показатель между умеренной (2) и высокой (3); для подсчета баллов взято 2,5.

ние содержательность трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии подаётся в политической и научной литературе как данность, в силу достаточно высокого внимания правительств и видимой долговечности, о чём говорят и многочисленные взаимные уверения в его важности.⁴² На первый взгляд, трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии прошло проверку у региональных исследователей, и, судя по региональным дискуссиям, его содержание не пересматривалось, что особенно примечательно, учитывая относительно небольшое количество успешных межгосударственных объединений в регионе. Используя базовую эвристическую модель анализа можно сказать, что трёхстороннее сотрудничество, действительно, в целом может считаться содержательным.

По состоянию на конец 2024 года трёхстороннее сотрудничество Турции, Азербайджана и Грузии, как мы видим, не ослабло и в некоторых отношениях продолжало развиваться даже при разной внешнеполитической ориентации, в частности, на фоне заметного сближения с Москвой всех трёх стран, особенно Азербайджана и Грузии. В этом отношении в их трёхстороннем сотрудничестве можно увидеть тенденцию к авторитарным моделям обеспечения безопасности в геополитически сложных регионах. Это показывает, как трёхстороннее сотрудничество может укреплять стабильность без ограничений демократической подотчётности, повышая способность каждого режима реагировать на внутренние и внешние угрозы безопасности, не завися от покровительства Запада, который может быть более чувствителен к вопросам прав человека и демократии. Для дальнейшего изучения этих тем, а также для более полного учёта событий, произошедших после 2020 года, в частности, роли Армении и России в становлении, поддержании и развитии трёхстороннего сотрудничества Турции, Азербайджана и Грузии, были бы полезны дальнейшие исследования.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

⁴² Аналитики и учёные отмечают его важность, отчасти ссылаясь на другие работы, также подтверждающие его значимость, и наоборот. Хотя это не лишено смысла, поскольку отражает оценки квалифицированных экспертов, взаимный и самореферентный характер делает эту оценку несколько тавтологичной – важность подтверждается лишь тем, что его важность подтверждают другие.

Об авторе

Майкл Хикаре Сесайр – приглашённый научный сотрудник Высшей школы дипломатической службы Центра евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета, где он читал курс черноморской безопасности. Также является внештатным преподавателем Пенсильванского университета. Ранее Сесайр занимал должность старшего политического советника и сотрудника по военно-политическим вопросам Комиссии по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также занимался вопросами черноморского региона, внешней политики и национальной безопасности в различных правительственных и научных организациях. Доктор политики и международных отношений Университета Сент-Эндрюс. <https://orcid.org/0009-0002-9568-2544>

Библиография

- Amin, Ash, and Nigel Thrift, eds., *Globalization, Institutions, and Regional Development in Europe* (Oxford University Press, 1995; online edn, Oxford Academic, October 2023), <https://doi.org/10.1093/oso/9780198289166.001.0001>.
- Aras, Bülent, "The Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy," *Insight Turkey* 11, no. 3 (Summer 2009): 127-142, <https://www.insightturkey.com/articles/the-davut-oglu-era-in-turkish-foreign-policy>.
- Aydin, Mustafa, "Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus," *Turkish Studies* 5, no. 2 (2004): 1-22, <https://doi.org/10.1080/1468384042000228576>.
- Babacan, Ali, "Calming the Caucasus," *The New York Times*, September 23, 2008, www.nytimes.com/2008/09/23/opinion/23iht-edbabacan.1.16407371.html.
- Balci, Bayram, "Strengths and Constraints of Turkish Policy in the South Caucasus," Commentary, *Insight Turkey* 16, no. 2 (2014): 43-52, 43, <https://www.insightturkey.com/author/bayram-balci/the-ak-party-dominant-party-new-turkey-and-polarization-1>.
- Bozkurt, Abdullah, "Turkey, Georgia and Azerbaijan to Boost Cooperation in Military, Defense," *Nordic Monitor*, June 17, 2019, <https://www.nordicmonitor.com/2019/06/turkey-georgia-and-azerbaijan-to-boost-cooperation-in-military-defense/>.
- Cecire, Michael H., "Russian Hegemony Begets Georgian Discontents: Tbilisi's Search for Strategic Ballast," *Russian Analytical Digest (RAD)* no. 232, February 22, 2019, <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000328891>.
- Cecire, Michael H., "The Bilateral Origins of South Caucasus Trilateralism," in *Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation—Two States?* ed. Murad Ismayilov and Norman A. Graham (Routledge, 2016), 84-99, <https://doi.org/10.4324/9781315625119-4>.
- Cecire, Michael Hikari, "Georgia's Alliance With – Not In – NATO: External Balancing, Autonomy and Community," in *Georgia's Foreign Policy in the 21st Century: Challenges for a Small State*, ed. Tracey German, Stephen F. Jones, and Kornely Kakachia (London: I.B. Tauris, 2022): 179-194, <https://doi.org/10.5040/9780755645350.ch-9>.
- Cecire, Michael, "Georgia's 2012 Elections and Lessons for Democracy Promotion," *Orbis* 57, no. 2 (Spring 2013): 232-250, <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2013.02.003>.
- Çınar, Menderes, "Turkey's 'Western' or 'Muslim' Identity and the AKP's Civilizational Discourse," *Turkish Studies* 19, no. 2 (2018): 176-197, <https://doi.org/10.1080/14683849.2017.1411199>.

- Glebov, Sergii, "Black Sea Security as a Regional Concern for the Black Sea States and the Global Powers," *Southeast European and Black Sea Studies* 9, no. 3 (2009): 351-365, <https://doi.org/10.1080/14683850902934341>.
- Gurbanov, Ilgar, "Azerbaijan's Trilateral and Bilateral Military Cooperation with Turkey and Georgia: Important for Azerbaijan's Security Calculations," in *Panorama of Global Security Environment: The Central European Perspective – 2017-2018*, ed. Róbert Ondrejcsák et al. (Bratislava, Slovakia: Stratpol, 2018), 251-269, <https://www.academia.edu/40151655/>.
- Inan, Feride, and Diana Yayloyan, "New Economic Corridors in the South Caucasus and the Chinese One Belt One Road" (Economic Policy Research Foundation of Turkey, 2018), https://epfarmeria.am/wp-content/uploads/2018/04/New_Economic_Corridors_in_the_South_Caucasus_and_the_Chinese_One_Belt_One_Road_2018.pdf.
- Ismayilov, Murad, "Azerbaijan's Russia Conundrum: Towards the Rise of an Unlikely Alliance," *Russian Politics* 4, no. 2 (2019): 242-267, <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00402005>.
- Köstem, Seçkin, "Geopolitics, Identity and Beyond: Turkey's Renewed Interest in the Caucasus and Central Asia," in *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*, ed. Emre Erşen and Seçkin Köstem (London: Routledge, 2019), <https://doi.org/10.4324/9780429023064>.
- Kuchins, Andrew C., Jeffrey Mankoff, and Oliver Backes, *Georgia in a Reconnecting Eurasia: Foreign Economic and Security Interests* (Center for Strategic & International Studies and Rowman & Littlefield, 2016), https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160429_Kuchins_Georgia_ReconnectingEurasia_Web.pdf.
- Kyle, Joe, "Perspectives Roadblocks: Georgia's Long Road to NATO Membership," *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 27, no. 2 (Spring 2019): 237-247, <https://muse.jhu.edu/article/721877>.
- Lander, Stephen, "International Intelligence Cooperation: An inside Perspective," *Cambridge Review of International Affairs* 17, no. 3 (2004): 481-493, <https://doi.org/10.1080/0955757042000296964>.
- Larrabee, F. Stephen, "The United States and Security in the Black Sea Region," *Southeast European and Black Sea Studies* 9, no. 3 (2009): 301-315, <http://doi.org/10.1080/14683850902934309>.
- Lianlei, Bai, "Azerbaijan in the Silk Road Economic Belt: A Chinese Perspective," China Institute of International Studies (CIIS), August 2016.
- Manoli, Panagiota, *The Dynamics of Black Sea Subregionalism* (London: Routledge, 2012, eBook Published 2016), <https://doi.org/10.4324/9781315615738>.

- Murinson, Alexander, "The Strategic Depth Doctrine of Turkish Foreign Policy," *Middle Eastern Studies* 42, no. 6 (2006): 945-964, <https://doi.org/10.1080/00263200600923526>.
- Nilsson, Martin, and Daniel Silander, "Democracy and Security in the EU's Eastern Neighborhood? Assessing the ENP in Georgia, Moldova, and Ukraine," *Democracy and Security* 12, no. 1 (2016): 44-61, <https://doi.org/10.1080/17419166.2015.11357441>.
- Oskanian, Kevork, "The Balance Strikes Back: Power, Perceptions, and Ideology in Georgian Foreign Policy, 1992–2014," *Foreign Policy Analysis* 12, no. 4 (2016): 628-652, <https://doi.org/10.1093/fpa/orw010>.
- Ozkan, Behlül, "Turkey, Davutoglu and the Idea of Pan-Islamism," *Survival* 56, no. 4 (2014): 119-140, <https://doi.org/10.1080/00396338.2014.941570>.
- Saraçoğlu, Cenk, and Özhan Demirkol, "Nationalism and Foreign Policy Discourse in Turkey Under the AKP Rule: Geography, History and National Identity," *British Journal of Middle Eastern Studies* 42, no. 3 (2014): 301-319, <https://doi.org/10.1080/13530194.2014.947152>.
- Shiriyev, Zaur, "Institutionalizing a Trilateral Strategic Partnership: Azerbaijan, Georgia, Turkey," *Policy Paper* (Tbilisi, Georgia: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2016), http://www.kas.de/wf/doc/kas_43884-1522-1-30.pdf.
- Stein, Aaron, *Turkey's New Foreign Policy: Davutoglu, the AKP and the Pursuit of Regional Order* (London: Routledge, 2015).
- Strakes, Jason E., "Situating the 'Balanced Foreign Policy': The Role of System Structure in Azerbaijan's Multi-Vector Diplomacy," *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 15, no. 1 (2013): 37-67, <https://doi.org/10.1080/19448953.2013.766085>.
- Tassinari, Fabrizio, "A Synergy for Black Sea Regional Cooperation: Guidelines for an EU Initiative," *CEPS Policy Brief* no. 105, Centre for European Policy Studies, June 2006, <https://www.ceps.eu/ceps-publications/synergy-black-sea-regional-cooperation-guidelines-eu-initiative/>.
- Valiyev, Javid, "Foreign Policy of Azerbaijan in 25 Years of Independence: Priorities, Principles and Achievements," *Caucasus International* 7, no. 1 (Summer 2017): 29-46.
- Vladova, Galya, and Jörg Knieling, "Potential and Challenges for the Black Sea Regional Cooperation," *Eastern Journal of European Studies* 5, no. 1 (2014): 39-66, https://ejes.uaic.ro/articles/EJES2014_0501_VLA.pdf.
- Yilmaz, Ihsan, and Galib Bashirov, "The AKP after 15 Years: Emergence of Erdoganism in Turkey," *Third World Quarterly* 39, no. 9 (2018): 1812-1830, <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1447371>.